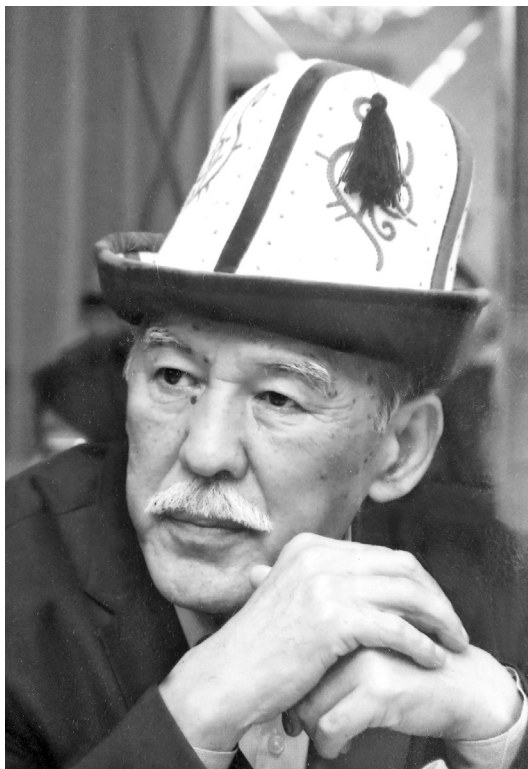

рассказ

*Айдарбек
Сарманбетов*

147

Малкиши*

ОН НИЧЕМ не отличался от своих сверстников, которым под тридцать, – худощавый, невзрачный молодой человек. Всё время был сам по себе, молчалив, ходил, опустив голову. Ни с кем не имел дела – ни с родным отцом, ни с соседями, ни с друзьями, будто все вокруг были чуждыми людьми, не хуже и не лучше тех незнакомцев, что проживали в других домах, на других улицах. Существовал ли для него, кроме самого себя, ещё кто-то? – да пусть пропадут все пропадом, даже если разверзнется

земля, даже если всемирный потоп! – ему было всё равно. Ни к кому не проявлял интереса, лишь бы его не трогали...

Марлена невозможно было представить себе без наушников, подсоединённых либо к мобильнику, либо к плееру. Весь день на улице ли, дома или на работе, даже когда нужно было ложиться спать, – он их не снимал. Какая-то зарубежная музыка всё время заполняла его уши. О чём там поют, он не понимал, так как не знал иностранных языков, да и, казалось, не было у него желания пони-

* Малкиши (кирг.) – мал – скот, киши – человек.

мать. Главное, были бы уши заткнуты, и гремело бы в наушниках что-то ритмичное. Он был словно наркоман. Стоило случиться чему-то с наушниками или мобильником, ну, скажем, завис аппарат, как он выходил из себя, становился прямо дурным.

У Марлена не было толковой работы. Кто спрашивал, он отвечал, что работает техником. Да какой уж техник!.. После школы, которую он вымучил с грехом пополам, отец повёл его в политехнический институт, но поступить туда недоросль не смог. После этого он устроился помощником монтажника районной электрической сети. Проработал на подхвате пару лет. Вот и всё его образование.

Как-то раз, прочитав объявление на двери здания, где работал, он подался на должность помощника техника-осветителя областного театра. Там не надо было вкалывать с утра до вечера. Да и присутствие его на работе или отсутствие никого особенно не волновало. А ему только этого и надо было. Главное, чтобы никто не беспокоил, не лез со своими бесконечными указаниями или упрёками. Когда в театре должна была идти какая-нибудь новая постановка, то он, по указке техника-осветителя, просто передвигал на сцене декорации. Правда у техника случались «неотложные дела» (на самом деле – похмельное состояние), и тогда Марлену поручали самостоятельно заниматься освещением сцены. Режиссёр не очень-то доволен был его работой. И понятно, тот ведь не вникал в суть спектакля, освещал сцену как попало. А чего было ожидать, когда у него всегда своё в мозгах, точнее, в ушах...

Отец его был заслуженным геологом, последователем идей коммунизма, и своего сына в честь Маркса и Ленина назвал первыми слогами их имён – Марленом, чтобы он рос умным, честным, заботящимся о ближних. Отец надеялся, что Марлен, быть может, станет творческой личностью. Вдруг вот из него выйдет выдающийся писатель, как Тугелбай или Айтматов, а возможно, поэт, как Алыкул, или артист театра, по-

добный Муратбеку Рыскулову... Мало ли, но главное стать человеком высокой пробы. Отец тогда был бы, конечно, на седьмом небе от счастья. Но нет, не оправдались его надежды. Он наблюдал за сыном и видел, что тот слушает лишь примитив зарубежной музыки, смотрит по телевизору одни глупые развлекательные шоу... И когда отец, обеспокоенный, сказал сыну о том, что надо бы смотреть передачи на кыргызском, чтобы знать свой язык, традиции, чтобы хоть как-то приблизиться к своему народу, сын в ответ выпалил:

– На кой чёрт нужны мне эти бараны!..

От таких слов в жилах отца вскипела кровь, перехватило дыхание. Он попытался образумить сына, объяснить, что невозможно состояться человеку без родного народа, что в один прекрасный день можно оказаться на обочине. Но сын не слушал отца, всё сказанное пролетало мимо ушей, заткнутых наушниками.

Ни с кем Марлен не дружил. Ни в школьные годы, ни в более поздние. Никогда-то отец не видел его с какой-нибудь подругой. Отец гнал от себя неприятные мысли: а вдруг сын не дееспособен как мужчина. Но ведь не спросишь его об этом. Отец всё-таки решился поговорить с отпрыском. Сказал:

– Мать твоя, не дождавшись твоей женитьбы и не увидев внуков, отошла в мир иной. И я, как видишь, из-за плохого здоровья рано вышел на пенсию. Долго не протяну. Привёл бы невесту, подарил бы внука. Посмотри, как все поступают...

– Зачем плодить смертных? Ведь всё равно умрут!.. – огорошил сын неожиданным ответом.

– Ну и тупица! Ребёнок – это рождение нового человека, это – продолжение тебя. Дети нужны, чтобы не прервался род – мой, твой род не прервался! – пытался вразумить отец. – Человек должен оставить после себя потомство. На том и держится человечество!

А тот в ответ надулся и ушёл, хлопнув дверью. Больше отец не заводил разговор на эту тему. Что толку слова

на ветер бросать, если у него уши заткнуты?! Прервётся род – вот и всё!

Каким же образом Марлен превратился в такого бездушного человека, в настоящее животное? Может, недоглядел, когда тот был ещё маленьким? Ведь, будучи геологом, он оставлял сына на долгие месяцы без отцовского призора. Но зато, когда бывал дома, уделял ему немереное время, ходил на все собрания – что в детский садик, что в школу, учил добру, наставлял на путь истинный. А может, жена Сакиш упустила сына? Он же единственный, говорила она, и всё ему позволяла. Избаловала таким образом. Но Сакиш давно ушла из жизни. Ей и тридцати не было. Наследственность сыграла с ней злую шутку, заболела белоокровием. Как только ни лечилась, чего только ни предпринимала – всё без толку. Осунулась, побелела ликом, смотрела на всех, будто извиняясь, и, в конце концов, отдала богу душу. Перед смертью бедняжка прижимала сыночка к груди, целовала в шейку, в затылочек... Трудным было её расставание с ребёнком, не хотела оставлять своё кровное дитя сиротой. Царствие ей Небесное!

И вот что в итоге из ребёнка вышло... Может, всё-таки и хорошо, что Сакиш не увидела сына таким, каким он стал, – без чести и совести, без чувства гордости за своих предков, без дум о продолжении древнего рода. Животные и те заботятся о своём потомстве. Ради светлого будущего, ради возможной высокой карьеры отдали ведь его в русскоязычный садик, а потом и в русскую школу? Думали избежать межнациональных трудностей, даже дома разговаривали с ним на русском языке. Возможно, так вот, своими руками и оторвали его от родного народа?

В тот день Марлен шатался по театру как неприкаянный. В ушах – неизменные наушники, словно родился в них. И вдруг чуть не обалдел – кто-то выдернул их из его ушей. Он резко обернулся, готовый накинуться на обидчика... Перед ним стоял директор:

– Хотя бы на минуту-другую ты мо-

жешь снять свои наушники и взглянуть на мобильник?! Звонят – не дозвонятся до тебя твои соседи. И я тоже, между прочим...

Директор резко отчитал его и тут же почему-то смягчился и смущённо посмотрел ему в глаза:

– Мариш, иди-ка сюда, – сказал он мягко и, взяв его руку повыше локтя, отвёл Марлена в сторонку. – Ты уже взрослый человек... Мужайся, на всё воля божья, твой отец ушёл в мир иной... Соседи вот позвонили мне, до тебя не дозвонившись. Ступай домой, иди-иди...

До Марлена не сразу дошёл смысл его слов. Что значит это «ушёл в мир иной»? Раньше таких слов он и не слышал, как это можно понять? Но начальник есть начальник, его не слушаешься, и помощник техника побрёл из театра.

С отцом они жили на втором этаже пятиэтажной «хрущёвки». Двухкомнатную квартиру отец получил ещё в шестидесятые годы. Предоставили ему жильё по месту работы, как молодому специалисту и молодожёну. И вот эта самая квартира была всем их имуществом.

Марлен увидел перед домом толпившихся людей, но как-то не придавал этому значения. Среди них были и соседи, и совсем незнакомые люди. Они стояли группками по два-три человека. Когда Марлен подошёл к дому, все посмотрели на него как-то необычно – протяжно и безмолвно, будто знали что-то, что он не знал, и тут же освободили проход в подъезд. Ни с кем не здороваясь, парень молча и, как обычно, понуро поднялся к своей квартире. Он никогда-то с соседями не якшался, тем более с чужаками.

На лестничной клетке, столпившись, стояли большей частью женщины. Лица вроде бы знакомые, но были и те, кого он видел впервые. Какое ему до них дело, пусть стоят себе!

Дверь квартиры была странно распахнута. В прихожей и в комнатах тоже были люди, они тихонько перешёптывались, при виде Марлена умолкли. Он прошёл мимо них, вошёл в комнату, где на диване лежал отец, прикрытый

старым одеялом. Вокруг него сидели на стульях несколько мужчин с опущенными головами. Отец же болел. Сколько Марлен себя помнит, он всю дорогу болел, и люди, видать, пришли навестить его. Марлен и мимо них прошёл и закрылся у себя в комнате. Из-за наушников, в которых непрерывно звучала музыка, он не слышал, о чём бормочут люди, сидевшие возле отца. По привычке Марлен включил телевизор и плюхнулся на кровать. И только тогда вспомнил, что говорил отец, когда Марлен уходил на работу:

– Мариш, почему-то сегодня у меня сердце беспокойно, сильно стучит... Вызови «скорую»...

Ему показалось, что отец, как обычно, преувеличивает.

– Единиц нет, – только и буркнул в ответ.

Отец, давая ему 50-сомовую купюру, сказал:

– Как выйдешь из дома, сразу позвони, вызови «скорую помощь». Ты же у меня парень забывчивый, сам знаешь... Не забудь, пожалуйста... – Он сказал это тяжело дыша.

Марлен, конечно же, забыл... В принципе, врачей можно было и на другой день вызвать. Куда спешить!

Через некоторое время послышались приглушённые разговоры людей, и кто-то громко заплакал. Вдруг дверь комнаты Марлена распахнулась:

– Смотри-ка, разлёгся, придурок! Вставай! Живо! – Эрмек, грузный мужчина, живущий напротив их квартиры, шагнул в комнату и резко дёрнул Марлена за плечо. – А ну-ка, дай это! – Он со злостью выхватил наушники и бросил на пол.

– Ты что?! – Марлен свирепо вскочил, будто хотел поставить соседа на место.

От неожиданности у Эрмека перехватило дыхание. Он и слова не мог вымолвить в ответ. Потом, немного придя в себя, рывкнул на ломаном русском языке, думая, что по-киргизски тот не поймёт:

– Свулочь! Атец у тебя умер, панимаешь?!

Марлен озабоченно шарил по полу в поисках наушников. Он был зол на соседа.

– И что?! – взорвался, выпучив глаза. – Я, что ли, в этом виноват?!

Люди, заглянувшие в комнату вслед за Эрмеком, чтобы выразить сыну соболезнования, растерялись, стояли, не зная, что и сказать. Боже! У него отец родной умер, а он... Неужели бывают такие сыновья?!

– А что я тут могу поделаться?.. – всё своё бубнил Марлен, стараясь произнести хоть несколько слов на кыргызском и продолжая искать наушники.

– О, горе! Да он, оказывается, просто дурак! – не мог стерпеть Эрмек. – Эй, я тебе гаварю, у тебя атец умер... Панимаешь, ты это? Атец умер!!! – в который раз попытался на русском языке втолковать он молодому соседу.

– Надо бы похлопотать о покойном! – раздался голоса. – Похорони отца!

– Чего? Как? – вконец разозлился Марлен. – Обязательно мне, что ли, это делать? – Покой Марлена окончательно был нарушен. – Набросились, как собаки, на одного!..

Терпение у соседней лопнуло, и крепкий усатый мужчина, стоявший за Эрмеком, шагнул к Марлену, когда тот собирался то ли сесть, то ли опять лечь на кровать, и вlepил звонкую затрещину:

– Мы хотели тебе помочь похоронить отца, а ты... Малкиши ты – вот кто.

Марлен закрыл голову руками, присел, как-то скособочившись, и заплакал:

– У-у-у, гады!.. – И не от горя по умершему отцу он заплакал, а от обиды, злобы и беспомощности, ведь никто его так прилюдно не бил и не унижал. Даже пальцем его не трогали, даже голос на него не повышали, ну разве что на работе голосили, но на то она и работа. К тому же удар получился ощутимым, аж искры из глаз посыпались.

– Прекрати! – схватил усатого за руку Эрмек. – Хватит с него! Без толку с тварью разговаривать. Сами позаботимся о похоронах.

И люди, оказавшиеся рядом, развернулись и вышли из комнаты.

– Каким хорошим человеком был наш сосед! Знатным геологом! А этот – и не скотина, вроде бы, но и не человек!

– О Аллах! Впервые подобное вижу...

– Надо же таким уродиться!

– Да лучше б вообще не было его на белом свете...

Когда с болью в душе, огорчённые соседи ушли, Марлен почесал пострадавший затылок, и, вернув наушники на обычное место, как ни в чём не бывало, снова плюхнулся на кровать...

И всё-таки люди есть люди. Соседи бегали, хлопотали – кто собирал деньги, кто отправился в контору ритуальных услуг, а кто-то занимался могилой... В общем, всем миром наутро похоронили покойного. Кто знает, то ли из-за того, что покойный рос в детском доме, то ли по какой другой причине, родственников на похоронах не было.

Марлена на традиционный намаз за упокой души усопшего не позвали, просто не удостоили вниманием после вчерашнего его поведения. У всех, кто был свидетелем этого события, да и кто слышал о том, молча отворачивались от Марлена. Сходились в мнении: не стоит он в этой жизни ни гроша.

Наутро следующего дня после кончины отца, даже не дождавись похорон, Марлен отправился на работу. Директору театра доложили, что помощник осветителя находится на рабочем месте. Директор тут же его вызвал к себе:

– Марлен, что неминуемо, то и свершилось, крепись. Понимаю, тяжело... Возьми вот – это тебе небольшая помощь от коллектива театра. – И руководитель вручил помощнику техника конверт. – Не задерживайся здесь, поторопись домой...

Марлен вышел на улицу. Со вчерашнего дня бедолага ничего не ел, и он направился в ближайшую столовую. Раньше-то покушать отец готовил. По дороге заглянул в конверт, полученный от директора. Обрадовался, увидев теснившиеся там синие и красно-жёлтые купюры. «Да этих денег на месяц хватит!», – определил он и ускорил шаг.